

Москва, 13 декабря 1978 года

Дорогой Леонид Витальевич,

Вы знаете, как давно я собирался написать Вам это письмо, но это оказалось не так легко как *я думал*. Постараюсь все же ответить хоть на некоторые Ваши вопросы о Н.Метнере. Сделать это не просто: очень любя многое в его творчестве, я никогда им специально не занимался и очень поверхностно знаком с его биографией, с философией его жизни и творчества.

Для людей моего поколения имя Метнера в юные годы было связано с именами Рахманинова и Скрябина. Три гениально одаренных музыканта почти одновременно вошли в русскую музыкальную жизнь. Однако, судьба их сложилась не одинаково. Сегодня Скрябин и Рахманинов признанные классики I-й половины XX века, их (особенно Рахманинова) исполняют повсеместно и очень много. Метнер, бывший когда то, по словам Прокофьева "московским кумиром" — почти забыт. Его музыку просто не знают даже музыканты — не только молодого, но и среднего поколения. Широкая публика не знает даже его имени. Несколько иначе обстоит, пожалуй, лишь в Англии, где Метнер провел последние годы своей жизни и его личность еще жива в памяти его современников. У нас очень немногие помнят даже его последний приезд в Москву (кажется, это было в конце 20-х годов, я еще учился тогда в Консерватории), когда он играл свой 2-й ф-п концерт (дирижировал его брат Ал-р Карл. — тогда дирижер Камерного театра), сольные ф-п пьесы и романсы с Н.Г.Райским. Потом, когда ушли из жизни его друзья (прежде всего А.Б.Гольденвейзер, в чьем классе Метнер звучал часто) и ученики (Шацкес, Лукомский и др.), его музыка почти совсем исчезла из концертных программ. В годы войны, когда я руководил на радио художественным вещанием, при помощи специального указания (!) мне удалось включить в радиопередачи несколько его сочинений. Но даже великолепное исполнение уже после войны Э.Гилельсом одного из лучших сочинений Метнера — его сонаты ор.22 (соль-минор), не вызвало устойчивого интереса к его творчеству. Кто-то, помню, сыграл его чудесную "Сонату-воспоминание" из I-го цикла "Забытых мотивов", м.б. чтонибудь еще — не помню... Долше всего музыка Метнера звучала в классах Московской Консерватории (традиции Гольденвейзера, боготворившего Метнера, Гедике и учеников самого Метнера). Я не помню, чтобы даже такие тонкие камерные певцы, как Нина Дорлиак, Зара Долуханова, Гмыря, Шапошников пели романсы Метнера. В 20-ые — 30-ые годы мы с моей сестрой, обладавшей очень красивым голосом и большой музыкальностью (она тогда училась) исполняли не раз многие романсы Метнера в небольших камерных концертах. Совсем рано исчезли с концертной эстрады скрипичные пьесы Метнера. Несомненный интерес вызвало в Москве исполнение 3-го ф-п концерта Метнера (не помню, кто его

итрал), но и этот интерес быстро угас. Множество замечательных произведений Метнера лежат на библиотечных полках. Студенческая молодежь — и композиторы, и певцы, и пианисты не знают ни одного его сочинения — я не раз в этом убеждался.

В чем же причина такой трагической судьбы безусловно гениально одаренного композитора? Здесь я позволю себе высказать некоторые соображения, единственные, которыми могу хоть отчасти ответить на поставленный вопрос.

Рахманинов, Скрябин и Метнер формировались, примерно, в одну эпоху, охватившую и первую русскую революцию и годы предшествовавшие Великой Октябрьской революции. Никак не связанные с революционным движением, Скрябин и Рахманинов, особенно в период между двумя революциями, чутьем великих художников ощущали растревоженность русской жизни той поры, приближение каких то неясных, неосознанных ими, но значительных жизненных событий. Музыка Рахманинова была в колокола, музыка Скрябина была охвачена огнем и экстазом. Метнер субъективно тоже, видимо, ощущал приближение больших событий (где то я читал, что на рукописи какого то его сочинения, написанного перед первой революцией, было прямо помечено: "предчувствие революции"). Но мне думается, что это были, скорей, его умозрительные догадки. Если же судить по его музыке, то он все же по-настоящему (как художник!) не услышал подземного гула современной ему жизни. Весь свой выдающийся дар Метнер посвятил тому, чтобы музыкой своей внести порядок, стройность, гармонию благополучие (!) в жизнь, в которой не было ни порядка, ни стройности, ни гармонии, ни благополучия. Трагедия Метнера, по-моему именно в том, что он не ощутил биения пульса своей эпохи, не почувствовал ее стремительного бегавстречу великим бурям. Я думаю, Вы согласитесь со мной, что сегодня для любой концертной программы так или иначе связанной с темой революции, мы без труда найдем подходящие по духу сочинения Рахманинова и Скрябина, а найдем ли мы их у Метнера?! Метнер прожил всю свою творческую жизнь преимущественно в мире сказок и воспоминаний. И в этом мире он создал множество изумительных произведений, прежде всего фортепианных. Но, даже в его "трагической" и "грозовой" сонатах я не слышу ни по-настоящему захватывающей трагедии, ни подлинной грозы.

Музыка Метнера полна высокого благородства, безупречного вкуса и великолепного мастерства; его музыкальный почерк очень индивидуален; его музыка очень строга — она не знает той "размытости" (иногда даже "расплывчатости") контуров, которые стали иногда появляться у позднего Скрябина, никогда не встретишь в ней и той салонной тривиальности, которая нет-нет да и проскальзывает у раннего Рахманинова. Яркий "антимодернист". Метнер был одной из крепких опор русской музыки против всяческих дека —

дентских течений. Но, боюсь, что слишком рассудочное, почти догматическое противостояние этим течениям способствовало замыканию Метнера в рамках несколько традиционного "академизма".

Когда вспомнишь, что рядом с Метнером заговорили в полный голос "бунтари" Прокофьев и Стравинский и зазвучали первые драматические симфонии Мясковского, — особенно отчетливо становится видно, как "особняком" стоит его музыка и начинаешь слышать в ней этот спокойный, слишком уж благодушный "академизм". После отъезда из Советского Союза Метнер окончательно потерял почву под ногами и какую либо "питательную среду".

Рахманинов тяжело переживал свой разрыв с Россией. Как трагично звучит его признание: "Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись Родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетренируемых воспоминаний". Но, очевидно, именно эти трагические его переживания вызвали к жизни такие гениальные трагедийные, наполненные душевным трепетом произведения, как Три русские песни, Третья симфония, Рапсодия на тему Паганини, Симфонические танцы... А вот как переживал свой разрыв с Родиной Метнер — трудно понять. Похоже, что источником, питавшим его творчество последнего периода была его собственная музыка. В ней, как в воспоминаниях, черпал он свои новые идеи, в которых, однако, действительно, "нового" ничего не слышно. Кажется, что композитор повторяет самого себя, в музыке его ощущается обесценивающее качество "вторичности": все тот же идеалистический, элегический мир сказок...

Метнер создал множество произведений, которые стоят на самом высшем уровне русской музыкальной классики, произведений глубоко талантливых и мастерских. Назову лишь самые мною любимые. Во-первых потрясающая по силе "Бессонница" (Ф.Тютчев): всю жизнь я показывал своим студентам этот романс, как образец русской вокальной лирики; показывал и очень многим певцам (всем нравилось, но никто не поет!). Далее — "Вальс" (А.Фет) из того же цикла; пушкинские романсы ор. 36, особенно "Лишь розы увядают" и "Испанский романс"; "Эпитафия" (А.Белый) — сильнейшее произведение!.. Фортепианные сонаты ре-минор (ор. II) и соль-минор (соч. 22), многие сказки (особенно третья из ор. 26 и обе ор. 20), ряд пьес из "Забывших мотивов" (особенно из I-го цикла) и еще многие... Все эти произведения могли бы украсить репертуар любого пианиста, любого певца и — я уверен в этом — встретили бы живой отклик у очень широкой аудитории. Вот почему я не могу не назвать еще одну причину того, что мы не слышим музыки Метнера. Эта причина лежит уже не в нем самом, а в исполнителях, точнее (хоть и обидно это звучит для них, но нужно сказать правду) в репертуарной косности, свойственной слишком многим из них, даже лучшим. Невероятная ограниченность звучащего репертуара начинается уже с Баха, Гайдна и Моцарта.

та, а уж о новой и новейшей музыке и говорить нечего...

И все же, несмотря на ощущаемые мною внутренние причины, задерживающие путь метнеровской музыки на концертную эстраду (есть еще и "внешняя" причина, которую Мясковский, в целом высоко ценивший Метнера, называл "многочотием" : в самом деле, у Метнера, особенно в более поздних сочинениях ужасно много всевозможных "аккомпанирующих" фигураций, густой фактурной ткани, которая порой мешает открытому звучанию чудесных мелодических линий), - я убежден, что стоит лишь какомунибудь выдающемуся пианисту или певцу заиграть, запеть хоть несколько сочинений Метнера, многие из них заживут полной жизнью и Метнера заново "откроют", как выдающегося композитора, даже, если из всего им написанного будет исполняться лишь сравнительно небольшая часть. Если бы на телевизионном экране появились бы с метнеровскими произведениями, скажем, Рихтер и Образцова - это могло бы иметь такие последствия, о которых мы даже не предполагаем. Но как это сделать, если Образцова не поет метнеровскую музыку, а Рихтер ее не играет?..

Ну вот, дорогой Леонид Витальевич, не знаю в какой мере удалось мне ответить на Ваши вопросы. Чувствую, что в том, что написал Вам, есть какие-то противоречия, но это вероятно оттого, что сама "проблема Метнера" достаточно противоречива.

Шлю Вам свои самые добрые пожелания и поздравление с приближающимся Новым годом.

С искренним уважением

Ю. Кабанов

Р. С. Прочитал в последнем номере "Коммуниста" статью Н. Яковлевой. Огромную честь для меня, для всей нашей деятельности и предельно себя для страны и ро. Коммуны, что наша газета она именно в "Коммунисте". Губернатор Вам доброе участие в этом и сердечное благодарю Вас.

Ваш Ю. Кабанов